

Проклятый вопрос

Созвали людей в большой и пышный зал, и т. Золотарев, начальник бюро по качеству Главметгиза, пропал не лишнюю торжественности речь. «Патефон, — сказал т. Золотарев, — не что-нибудь, а орудие культуры. И как таковое, — сказал т. Золотарев, — он должен быть высокого качества. Сегодня, — сказал т. Золотарев, — мы не будем уже радоваться тому, что ручка его не гнется и пластинка не шипит. Сегодня, — сказал он, — мы подойдем с требованиями качества самого высокого. И пусть, — закончил т. Золотарев, — потребитель скажет свое крепкое слово».

После чего начали испытывать патефоны, и немедленно разгорелся скандал.

Не потому, что воодушевленный потребитель сказал слово более крепкое, чем того можно было ожидать. Потребитель находился в зале в количестве самом ничтожном. Тут собрались знатоки. И они стали кричать, что дело организовано безобразно. — подобраны пластинки как нарочно такие, по которым судить о качестве патефона нельзя, возможность объективной оценки каждого патефона сравнительно с другими не обеспечена, — словом, время тратится впустую. Если же со всеми этими оговорками высказываться по существу, то заявили знатоки, патефонам далеко до совершенства. Известное улучшение есть, но... Тут знатоки насчитали уйму всяких недостатков.

И знатоки были по всем пунктам правы. Да, просмотр был организован нарядность бездарно. Да, патефонам до совершенства далеко, но что же потребитель все-таки, который, хотя и в ничтожном количестве, но в зал попал?

Потребитель толпился вокруг выставленных для обозрения расхляпанных патефонов. Он боялся дышать на

эти чудные, обольстительные машины. Он тянул к ним руки почти молитвенно. Потребитель голосом, в котором робкая надежда заглушала эгоизм, допытывался у демонстрировавшего патефоны заместителя директора Граммпластреста т. Поспелова, где можно купить эти блистательные произведения техники.

НА СУДЕ

Слово предоставляется подсудимому!

На что т. Поспелов, лицо которого выражало возмущение столь явным понуждением к блату, неопределенно, но с суровостью в голосе отвечал:

— В общем порядке, товарищи, в общем порядке!

И, конечно, потребитель понимал челом. Потому что, как всякому известно, ни в общем, ни в частном порядке патефон купить невозможно. Тут надо пояснить, что патефон

амнистировали, перестав считать его инструментом для «жоржиков», довольно давно. Нынче его дарят ударникам и доводят до колхозного статуса. Разговоры о патефоне как орудии культуры ведутся лет пять, — Магнитострой был создан в меньший срок. И все это время ни патефон, ни пластинки купить почти невозможно. А если уже подвезет такое немисси-мое счастье, то окажется, что пружина ломается на второй день, звук напоминает рев расстроенного буйвола и вообще счастье — мнимое...

Патефон сделался проклятым вопросом.

Раньше были проклятые вопросы о смысле жизни и, например, стоит ли бороться или, может быть, лучше предаться самосозерцанию. Потом эти вопросы, вместе с акстерами и идейными акушерками, каковых они преимущественно волновали, сошли с повестки дня. Но появились новые. Большие вопросы разрешены или разрешаются в нашей стране. Маленькие же, за которыми во-время не досмотрели, доставляют иной раз населению не малые неприятности. Начнет того, например, что в кафе должен быть и чай, а не только скверное рублевое кофе. Или что небогатый потребитель имеет право побриться без роскоши, не рискуя превратить мастера в тигра, жажущего крови. Или что патефоны надо не только словословить, а и производить. Каждый из этих вопросов имеет свою длинную, мучительную историю. И общественность кого-то долго уговаривала. И авторитетные товарищи высказывались в том смысле, что пора прекратить безобразие. Не молчала и пресса. Писали братья Туры, писали братья Ильф и Петров, и сам папа Кольцов разоблачал и изничтожил конкретного носителя. А сдвигов, конкретных, так сказать, сдвигов не наблюдался.

О патефоне говорилось на XVII Съезде партии. Правительство отпустило средства на завод патефонов в Коломне. Патефонами находит время заниматься нарком тяжелой промышленности, у которого есть дела и поважнее. Но те, кто производит патефоны, работают безобразно плохо. Когда же они вздумали побеседовать с потребителем, какая нехорошая, не откровенная получилась беседа.

Можно было сказать честно и прямо:

— Да, товарищи, план мы из месяца в месяц не выполняем и качество даем отвратительное. Но вот готовим к выпуску представленные здесь улучшенные модели, к тому же скоро начнет работать Коломенский завод и положение резко изменится.

Но было сказано не так. Более того, когда раздался голос из зала: «Вы бы из магазина патефон принесли, чем такие чудеса демонстрировать», то председатель ответил уверенно: «Из магазина и принесли. Можете сами сходить и купить такой».

Не только такой, никакого купить, дорогой товарищ председатель, невозможно. Что касается пластинок, то их тоже нет, потому что выпускается сплошной брак. Сами видели, как замахали руками музыкальные эксперты, когда испытывать патефоны начали на советских пластинках. «По таким пластинкам судить о патефоне невозможно», — сказали эксперты. Пришлось поставить «Донну Клару» с собачкой на этикетке.

Между тем на просмотре демонстрировался тут же записанный голос певца, который звучал совершенно, как живой. Оказалось, что каблет записи работает блестяще. Звук уродуется, значит, в массовом производстве. Трудно освоить? Нелегко. Но ведь у советской пластинки за плечами не один день. За это время выполнена пятнадцатая, создана авиационная промышленность, завоевана стратосфера...

Ох, осточертел нам этот разговор! Довольно слов, дайте хорошие пластинки и патефоны!